

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК УЧАСТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (вторая половина XIX – начало XX в.)

Иванов Виталий Иванович

Доцент Сибирского института бизнеса и информационных технологий, доцент кафедры управления, политики и права Омской гуманитарной академии (Омск), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-6312-3134, e-mail: vitaliv2019@mail.ru.

В статье изучается первоначальный этап в развитии отечественного института юридических лиц – участников уголовного судопроизводства. Во второй половине XIX – начале XX в., с принятием первого уголовно-процессуального закона, российским законодателем были предприняты попытки ввести в уголовное судопроизводство в качестве самостоятельного участника коллективного субъекта права. Однако ограниченность содержания соответствующих уголовно-процессуальных понятий и отсутствие специальных норм, раскрывающих правовую природу указанного лица, привели к применению в уголовном процессе аналогичных положений гражданских (материальных и процессуального) законов. В рассматриваемый исторический период Устав уголовного судопроизводства позволял отнести к участникам уголовно-процессуальной деятельности наряду с физическими лицами и искусственно организованные коллективы, впервые получившие в 1906 г. в гражданском законодательстве официальное общее наименование «юридические лица». Несмотря на нормативно-правовую неопределенность уголовно-процессуального статуса, коллективные субъекты права фактически (через уполномоченных лиц) вовлекались в уголовное судопроизводство как его участники – поручители, залогодатели, гражданские истцы или иные лица (прообраз гражданских ответчиков). На основе обобщения результатов проведенного исследования представлено определение юридического лица – участника уголовного процесса Российской империи.

Ключевые слова: уголовный процесс, судопроизводство, юридическое лицо, гражданский истец, залогодатель, поручитель

Для цитирования: Иванов В. И. Юридическое лицо как участник отечественного уголовного процесса (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 4. С. 31–40. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_31.

A LEGAL ENTITY AS A PARTICIPANT IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century)

Ivanov Vitaly

Associate professor, Siberian Institute of Business and Information Technology, Omsk Humanitarian Academy (Omsk), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-6312-3134, e-mail: vitaliv2019@mail.ru.

The article studies the initial stage in the development of the domestic institute of legal entities – participants of criminal proceedings. In the second half of the 19th – the beginning of the 20th century, when the first criminal procedural law was adopted, the Russian legislator attempted to introduce the collective subject of law as an independent participant of criminal proceedings. However, the limitations of the relevant criminal procedural concepts and the lack of special norms revealing the legal na-

ture of the said person led to the application of similar provisions of civil (substantive and procedural) laws in criminal proceedings. In the considered historical period, according to the Criminal Procedure Charter, the participants of criminal proceedings included, alongside physical persons, artificially organized collectives, which for the first time received the official common name of legal persons in the civil legislation in 1906. Despite the normative and legal uncertainty of the criminal procedural status, collective subjects of the law were actually (through authorized persons) involved in criminal proceedings as its participants – guarantors, pledgors, civil plaintiffs or other persons (a prototype of civil defendants). Summarizing the results of the study the author presents the definition of the legal entity as a participant in criminal proceedings of the Russian Empire.

Key words: criminal process, legal proceedings, legal entity, civil plaintiff, pledgor, surety

For citation: Ivanov V. I. (2021) A legal entity as a participant in domestic criminal proceedings (the second half of the 19th – the beginning of the 20th century). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 31–40, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_4_31.

Традиционное восприятие юридических лиц как субъектов гражданских правоотношений вызывает вопрос о правовой обоснованности их участия в отечественном уголовном процессе, заставляет искать ответ на него, в том числе с учетом результатов исторического исследования права – с позиции прошлого состояния его форм, что, по нашему мнению, способствует точному пониманию содержания и сущности рассматриваемых коллективных субъектов.

20 ноября 1864 г. в Российской империи был принят Устав уголовного судопроизводства¹ (далее – УУС). Первый уголовно-процессуальный закон одновременно с рассмотрением и разрешением по существу уголовных дел частного и публичного обвинения предусмотрел возможность разрешать гражданский иск, заявленный лицом, потерпевшим от преступлений или проступков и не обладающим правами частного обвинителя; тем самым в уголовный процесс был введен самостоятельный участник со стороны обвинения – гражданский истец (ст. 6 УУС). При буквальном толковании положений УУС (ст. 6, 19, 20, 31 и пр.) о гражданском истце формируется представление как о лице физическом, которому преступлением причинены вред и убыток. Однако более детальное исследование этого вопроса показывает ошибочность подобного мнения.

Так, во второй половине XIX в. высшая судебная инстанция Российской империи – Правительствующий сенат (далее – Сенат), – наделенная правом легального толкования нормативных правовых актов, представила субъектам уголовного судопроизводства руководящие разъяснения по актуальному вопросу, связанному с применением законодательства при разрешении гражданского иска, обусловленного криминальными обстоятельствами: «Иски о вознаграждении за вред и убытки, причиненные преступлением или проступком, разрешаются не по правилам и доказательствам, определенным в У. Г. С. (ст. 366), а, согласно ст. 779 У. У. С., по особым правилам, указанным в Уложении о наказаниях и в т. X ч. I, порядком, указанным в ст. 675 т. X ч. I (Угол.: 1868/940, 1870/202). Постановления Уст. Гр. Суд. служат руководством уголовному суду при разрешении гражданского иска постольку лишь, поскольку они не находятся в противоречии с уголовным порядком производства и практически возможны к исполнению (1872/1565)»².

Нормы УУС не раскрывали в достаточной мере содержание понятия «гражданский истец» и не определяли правовую природу этого участника уголовного судопроизводства. Исходя из этого, Сенат в своем решении признал необходимость применения в уголовно-процессуальной деятельности при рассмотрении и разрешении

¹ Свод законов Российской империи: в 16 т. СПб.: б. и., 1912. Т. 16. URL: <https://civil.consultant.ru/code> (дата обращения: 29.08.2021).

² Яблочков Т. М. Практический комментарий на Устав гражданского судопроизводства. Ярославль: Типо-лит. Е. Ф. Вахрамеева, 1913. Т. 1. С. 68.

гражданского иска востребованных положений Устава гражданского судопроизводства¹ (далее – УГС), включая следующие:

«Частные лица или общества, права которых, на законе основанные, будут нарушены распоряжением правительственных мест или лиц, могут предъявить суду иск о восстановлении нарушенных прав...» (ст. 2);

«Гражданский иск об удовлетворении за вред или убыток, причиненный преступлением или проступком, может быть предъявлен в уголовном суде при самом производстве уголовного дела или отдельно от него, в суде гражданском, до истечения срока давности» (ст. 5).

Допуская применение некоторых положений гражданских (материальных и процессуального) законов в уголовном процессе, Сенат тем самым позволил применять в юридической практике по уголовным делам расширительное толкование понятия «лицо» в легальном определении гражданского истца как участника уголовного судопроизводства (ст. 6 УУС) и рассматривать в качестве последнего наряду с физическими лицами отдельные коллективы, выступающие как самостоятельные субъекты права и представленные в УГС под единым наименованием «общества».

Юридическая природа гражданского иска раскрывалась в ст. 574 Свода законов гражданских² (далее – СЗГ) через следующий принцип, имеющий межотраслевое значение: «...всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки, с одной стороны, налагают обязанность доставлять, а с другой – производят право требовать вознаграждения». В рассматриваемом контексте очевидно, что праву на гражданский иск в порядке уголовного или гражданского судопроизводства корреспондировала обязанность компенсации негативных последствий от действий (бездействия) виновных, поэтому наделение в соответствии с законом таким правом отдельных лиц обуславливалось причинением им вреда или убытка. Данное правовое отношение находит отражение в нормах УУС (например, ст. 17, 779 и др.) и УГС (например, ст. 5, 7 и др.), допускающих участие гражданского истца в указанных видах судопроизводства.

Свод законов гражданских не разграничивал причиненный вред на моральный и материальный. Вред, возмещаемый на основании ст. 574 СЗГ, толковался в судебной практике исключительно как имущественный³, поэтому участие различных объединений лиц в уголовном процессе обуславливалось причинением им имущественного вреда или убытка. Следовательно, чтобы приобрести статус гражданского истца, коллективный субъект в материальном плане должен был обладать, как минимум, имущественными правами.

Статья 698 СЗГ закрепляла положение, согласно которому «...права на имущества по различию самого имущества и в пределах, законом определенных, могут приобретать: 1) Члены Императорского Дома; 2) дворцовые управления; 3) казна; 4) дворянские общества, города и городские общества, сельские общества, а также земские учреждения; 5) епархиальные начальства, монастыри и церкви; 6) кредитные установления; 7) богоугодные заведения; 8) ученые и учебные заведения; 9) частные лица; 10) сословия лиц, как то: товарищества, компании, конкурсы». Поэтому земские учреждения, городские и сельские мирские общества, епархиальные начальства, монастыри, церкви и другие общественные установления в объеме полномочий, предоставленных каждому из них властью, или с разрешения тех начальств, которым они были подведомственны, могли на законных основаниях заключать с частными лицами договоры о подрядах и поставках (ст. 1745 СЗГ). Разного рода общества, товарищества и компании в случае причинения имущественного вреда или убытка наделялись правом заявлять иск или на них возлагалась обязанность отвечать на суде через лиц, на то уполномоченных (ст. 26, 27, 1285 УГС).

Предписания ст. 2, 5, 26, 27, 1285 УГС и ст. 574, 698, 1745 СЗГ в их системной связи с рассмотренными разъяснениями Сената позволяют сделать вывод, что перечисленные в СЗГ самостоятельные коллективные субъекты (дворцовые управления, казна,

¹ Свод законов Российской империи. Т. 16.

² Там же. Т. 10.

³ Воробьев А. В. Возмещение морального (нравственного) вреда в отечественной дореволюционной юридической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 50.

дворянские, городские и сельские общества, города, земские учреждения, монастыри и церкви, богоугодные, ученые и учебные заведения, товарищества, компании и конкурсы), наделенные определенным набором прав (владения, пользования, распоряжения) в отношении имущества, при причинении им (ими) вреда имуществу или убытка обладали способностью вступать в уголовный процесс через соответствующих лиц на стороне обвинения в качестве гражданского истца или в порядке ст. 15 УУС отвечать за причиненный вред по заявленному гражданскому иску в качестве иных участников уголовного процесса. Данное суждение подтверждается судебными решениями Сената, в частности следующим: «Когда должностные лица являются уполномоченными казны по ее имуществу, ответственность за действия их определяется сообразно с общим законом (ст. 687 т. X. ч. I), в силу которого верители отвечают за вред и убытки, причиненные их поверенными при исполнении их поручений, согласно с данным им полномочием (1878/86, 162). Такие иски можно предъявлять непосредственно к казне или общественному управлению (городу, земству) (1887/14; 1889/80; 1893/98; 1897/1)...»¹.

Не вызывает сомнений, что ст. 15 УУС в совокупности с судебной практикой Сената заложили правовые основы для последующего введения в уголовный процесс нового участника со стороны защиты – гражданского ответчика, в качестве которого в рассматриваемый исторический период наряду с физическими лицами выступали и упомянутые выше самостоятельные коллективные субъекты (через своих представителей). Наличие представителей у коллективных субъектов права Сенат объяснял достаточно просто: «Правило ст. 27 У. Г. С. должно иметь применение ко всякого рода обществам, т. е. существующим как на основании договоров, так и в силу закона (1870/617; 1874/100; 1875/478; 1064; 1881/31). Мотивом постановлений ст. 27 и 1285 служит лишь одна и та же как для обществ, так и для казенных управлений невозможность предстать, т. е. явиться на суд в полном составе (1887/38)»².

Совершенствуя правоприменительную практику с участием коллективных субъектов, Сенат впервые в решении по делу Ткачукова с обществом крестьян Витинской волости (решение 1880 г. № 246) отделил эту категорию участников судопроизводства от физических лиц, объединив их под общим наименованием «юридические лица»³. Основные тезисы этого решения впоследствии нашли широкое применение в судебной практике. Так, в решении 1882 г. № 151, опираясь на изложенную ранее позицию, Сенат так описал рассматриваемую категорию субъектов: «Юридическое лицо есть субъект права, не подходящий под понятие физического лица. Юридические лица возникают искусственно с разрешения надлежащей власти для достижения известных целей. Следовательно, юридическому лицу не могут принадлежать все те права, которые принадлежат лицам физическим, а только такие, которые ему необходимы для достижения его специальной цели существования, вследствие чего эти права определяются тем актом, который создает и признает существование юридического лица. Всякое действие юридического лица, стремящееся к достижению цели, выходящей за пределы той цели, для которой оно существует, не может признаваться законным, так как оно составляет присвоение себе права, ему не принадлежащего»⁴.

Подтверждая искусственную природу юридического лица (обусловленную организационной деятельностью людей), Сенат в то же время определял его как созданный на основе соответствующих актов (уставов или правил) с разрешения властей самостоятельный субъект права, обладающий правоспособностью в достижении специальной цели. В этом качестве высшая судебная инстанция рассматривала организованные социальные и государственные структуры (объединения / союзы лиц, учреждения), которые на законных основаниях приобретали имущественные права и способность вступать от своего имени в определенные (в том числе уголовно-процессуальные) правоотношения. Например: «Выяснение значения момента создания торгового дома как момента возникновения юридической личности товарищества

¹ Яблочков Т. М. Указ. соч. С. 31–32.

² Там же. С. 375.

³ Гуляев А. М. Толкование закона в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912. С. 42.

⁴ Там же. С. 42–43.

точно подтверждается Сенатом в... его решении (Гражд. Кассац. Деп. Сен. 1908 № 49), где Сенат указывает, что сущность торгового товарищества, как полного, так и на вере, заключается в объединении двух или более лиц для производства торговли под единым общим именем. В случае соблюдения указанных в 59, 60 и 76 ст. Уст. Торг. правил при открытии торгового дома, учрежденное товарищество становится самостоятельным субъектом торговых правоотношений, имеющим право приобретать имущество, вступать в сделки (ст. 698 т. X, ч. I), а также искать и отвечать на суде (26 и 27 ст. Уст. Гражд. Судопр.)»¹.

Общий подход высшей судебной инстанции к определению сущности юридических лиц, в рамках которого особое внимание уделялось, как правило, только внешним отличительным признакам указанных субъектов права без достаточного анализа их внутренней организации (структуры), приводил к ситуациям, когда судами к такому причислялись следующие организованные объединения: полк (решение 1885 г. № 68), казна (решение 1889 г. № 130), клуб (решения 1880 г. № 186, 1903 г. № 104), общество врачей, любителей физических упражнений и велосипедной езды (решение 1904 г. № 34), иностранные государства (решение 1909 г. № 75), еврейские синагоги и молитвенные дома (решение 1911 г. № 47), торговое товарищество (решения 1887 г. № 42, 1907 г. № 61, 1908 г. № 49, 1913 г. № 79)². В связи с чем эти решения нередко становились предметом критики со стороны представителей научного сообщества: «Признавая, например, с полным основанием, что потерпевшими от преступления лицами могут быть не только физические, но и юридические лица, Сенат признает за последними право быть гражданскими истцами, но при этом подводит под понятие юридических лиц такие объединения, которые не всегда соответствуют требованиям юридического лица в смысле технического, признавая, например, в ряду их частные общества (73/189)»³.

Критическая оценка учеными того времени указанных позиций Сената была обусловлена общей проблемой юриспруденции, касающейся определения статуса юридического лица как самостоятельного субъекта правоотношений. Основная причина этой проблемы заключалась в том, что, несмотря на законодательное признание, закрепление и наделение организованных коллективов самостоятельной правоспособностью (например, ст. 698, 1745 СЗГ, ст. 422 УУС), в гражданском законодательстве XIX – начала XX в. (и, как следствие, в УУС) понятие юридического лица отсутствовало. Впервые исследуемое понятие на законодательном уровне было закреплено в ст. 80 Свода основных государственных законов 1906 г.: «Российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противоречащих законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяются законом»⁴.

Выработке единообразной правоприменительной практики с участием искусственно организованных коллективных субъектов препятствовало также то, что общепринятого определения понятия юридического лица наукой права в рассматриваемый исторический период выработано не было. Тем не менее в отсутствие официального законодательного закрепления указанное понятие постепенно (при помощи судебной практики и разъяснений кассационных департаментов по уголовным и гражданским делам Правительствующего сената) вошло в профессиональный оборот субъектов гражданского и уголовного процессов, а также привлекло внимание научного сообщества. Это привело к широкому его использованию не только в уголовно-процессуальной, но и в научной деятельности – в качестве предмета исследований.

¹ Никонов С. П. Юридическая природа торговых и промышленных предприятий по русскому праву. Пг.: Тип. И. Я. Дурнякина, 1917. С. 75.

² Гуляев А. М. Общие учения системы гражданского права в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за пятьдесят лет. Пг.: Сенат. тип., 1914. С. 53.

³ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. Изд. М. М. Зива. М.: Тип. «Культура», 1914. Вып. 1. С. 34. URL: <https://znanium.com/catalog/product/522267> (дата обращения: 29.08.2021).

⁴ Свод основных государственных законов (издание 1906 года): : в 16 т., в 5 кн. / под ред. и с примеч. И. Д. Мордугсай-Болтовского. СПб.: Русское кн. т-во «Деятель», 1912. Кн. 1. Т. 1–3. URL: https://russportal.ru/index.php?id=imperial_laws.svod_zakonov1912_01_010 (дата обращения 29.08.2021).

Необходимо отметить, что в середине XIX – начале XX в. ученые-цивилисты разных стран (особенно Германии) активно разрабатывали понятие юридического лица и научные концепции о сущности этого явления. Большинство российских ученых на основе исследования зарубежной практики и отечественного исторического опыта, тщательного анализа различных правовых доктрин, господствовавших в России и за рубежом, относили все научные теории к одному из двух наиболее общих направлений: к теориям олицетворения, или персонификации, которые рассматривали юридическое лицо как фикцию¹, и теориям, признающим реальность юридического лица². Несмотря на имеющиеся разногласия в подходах к определению сущности исследуемого понятия, ученым удалось выделить ряд основных признаков, позволяющих рассматривать юридическое лицо в качестве самостоятельного субъекта права. Так, представители научного сообщества на основе анализа отечественного законодательства и судебной практики Сената применительно к товариществу (как разновидности юридического лица) выделяли следующие признаки, отличающие этот организованный субъект права от его членов (физических лиц):

наличие имущества, отличного от имущества его членов (имущественная обособленность);

самостоятельное участие в правоотношениях под своим именем;

местопребывание, отличное от местопребывания его членов;

процессуальная правоспособность (возможность выступать истцом и ответчиком в суде);

осуществление деятельности, в том числе в суде, через представителей³.

Приверженцы реалистической теории⁴ к основным признакам коллективного субъекта права относили наличие у последнего самостоятельной цели деятельности, определенной организации и обособленного имущества, служащего целям этой организации, указывали на проявление корпоративного интереса и собственной воли, не совпадающих с интересами и волей его учредителей и участников (членов): «Юридическим лицом является та организация, которая в обороте рассматривается как единство»⁵; «Это единство создается организацией. Юридическое лицо создается, когда союз является организованным единством из множественности составляющих его лиц, созданным посредством подчинения своей воли воле этого единства»⁶.

Представляется очевидным, что российское законодательство второй половины XIX – начала XX в. (включая УУС) позволяло отнести все субъекты правоотношений к одной из двух категорий: а) естественные (физические) лица; б) искусственно организованные коллективы – юридические лица. В качестве последних рассматривались: государство (казна); дворцовые управления; управление уделов; государственные кредитные установления; государственные учебные и ученые заведения; государственные богоугодные заведения; учреждения духовного ведомства (монастыри, церкви, архиерейские дома, духовно-учебные заведения, благотворительные учреждения духовного ведомства); земские учреждения и городские общества; купеческие, мещанские, ремесленные общества; биржевые общества; дворянские и сельские общества; товарищества; компании и конкурсы; общественные организации (ст. 698 СЗГ)⁷.

¹ См., например: *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. Чтения, изданные по запискам слушателей / под ред. А. И. Вицына. 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Д. В. Чичинадзе, 1902. С. 84–103; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. С. 111–120.

² См., например: *Дювернуа Н. Л.* Чтения по гражданскому праву: в 2 т. 4-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. Т. 1. С. 416–596; *Ельяшевич В. Б.* Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб.: Типо-лит. Шредера, 1910.

³ См., например: *Дювернуа Н. Л.* Указ. соч. С. 529–564; *Никонов С. П.* Указ. соч. С. 73–79; *Цитович П. П.* Очерки по теории торгового права. Вып. 1: Из лекций в осеннем полугодии 1900 г. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1901. С. 15–24.

⁴ См., например: *Ельяшевич В. Б.* Указ. соч. С. 421–424; *Каминка А. И.* Основы предпринимательского права. Пг.: Петрогр. т-во печ. и изд. дела «Труд», 1917. С. 113–139.

⁵ *Ельяшевич В. Б.* Указ. соч. С. 452–453.

⁶ *Каминка А. И.* Указ. соч. С. 131.

⁷ *Анненков К.* Система русского гражданского права: в 6 т. Т. 1: Введение и общая часть. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. С. 197–240.

Отечественная доктрина предлагала различные варианты классификации юридических лиц, из которых наибольший интерес представляет актуальное по современным меркам разграничение всех юридических лиц на следующие виды:

а) *частные* – установленные по воле лиц, входящих в их состав, в силу какой-нибудь сделки частноправового характера (товарищества, артели, клубы, музыкальные и сценические кружки, ученые и художественные общества) – и *публичные* – установленные помимо воли частных лиц (казна, дворянское, городское, сельское, мещанское общество, ученые и учебные заведения и др.);

б) *корпорации* (соединения лиц) и *учреждения* (институты). В содержательном плане любая корпорация представляла собой союз (объединение) лиц, созданный на основе общего интереса в достижении определенной цели, а учреждение – субъект права, сформированный для достижения особой цели, независимой от личных интересов его учредителей. Корпорации и учреждения могли быть частными или публичными¹.

Слово «корпорация» подразумевало общину, общество, братство, товарищество, сословие, союз людей одного звания, ремесла², а слово «учреждение» – установленную правилами, порядком деятельность, а также «самое дело, как и пр. благотворительные учреждения, больницы и богадельни»³. Термин «организация» означал деятельность по установлению, созиданию, приведению в порядок, а также ее результат – «самое дело или вещь»⁴. Он произошел от средневекового латинского слова «*organizo*» («сообщаю стройный вид, устраиваю») и был заимствован из французского языка. Его значение в последующем существенно не изменилось, но стало более содержательным:

1) внутренняя упорядоченность, согласованность, взаимодействие более или менее дифференцированных и автономных частей целого, обусловленные его строением;

2) совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого;

3) объединение людей, совместно реализующих программу или цель и действующих на основе определенных правил и процедур⁵.

На основании изложенного можно утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. *корпорация* и *учреждение* представляли собой *разновидности искусственной коллективной организации*, отличающиеся друг от друга отношением их учредителей к достижению определенной цели деятельности коллективного субъекта.

Таким образом, юридическое лицо в рассматриваемый исторический период – это частная или публичная коллективная организация, искусственно созданная на основе соответствующих актов (уставов или правил) с разрешения властей, обладающая правоспособностью и обособленным имуществом для достижения специальной цели.

Возвращаясь к вопросу об участии коллективных субъектов права в уголовном процессе, необходимо отметить, что УУС среди мер пресечения предусматривал такие самостоятельные их виды, как отдачу на поруки (поручительство) и залог (ст. 416). Согласно уголовно-процессуальному закону всякое состоятельное лицо, общество или управление могли взять обвиняемого на поруки с принятием на себя денежной ответственности в случае уклонения его от следствия (ст. 422 УУС). Не вызывает сомнений, что таким образом законодательный акт официально признавал указанных коллективных субъектов в качестве возможных участников уголовного судопроизводства: «Простым поручительством называется ручательство, данное суду известным физическим или юридическим лицом в том, что обвиняемый в каком-либо преступлении не будет уклоняться или скрываться от следствия и суда»⁶.

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 116–117.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. С. 172.

³ Там же. 1882. Т. 4. С. 544.

⁴ Там же. Т. 2. С. 713.

⁵ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энцикл.; СПб.: Фонд «Ленингр. галерея», 1993. С. 938.

⁶ Кессель К. Залог и поручительство в предварительном следствии // Судебный журнал: ежемесячное приложение к «Судебному вестнику». 1869. № 10. С. 395.

В соответствии с правилами ст. 423 УУС залог мог быть представлен как самим обвиняемым, так и всяким другим лицом. Такое содержание нормы закона позволяло Сенату, используя расширительное толкование, допускать в уголовный процесс в качестве залогодателей не только физических, но и юридических лиц. В результате, несмотря на нормативно-правовую неопределенность уголовно-процессуального статуса частных или публичных корпораций и учреждений, эти субъекты права через уполномоченных на то лиц фактически вовлекались в уголовное судопроизводство как его участники – поручители и залогодатели. Данный вывод находит подтверждение как в научных источниках, так и в судебной практике XIX в.:

«...поручителями могут быть не только лица физические, но и юридические через своих уполномоченных на это представителей; могут быть, например, поручителями сельские или городские общества, университеты, земские управы, частные коммерческие, ученые или благотворительные общества или компании, под одним только условием, чтобы эти юридические лица обладали необходимою для того состоятельностью; хотя юридические лица не упоминаются в числе тех, которые могут представить залог, но очевидно, что выражение закона: „залог... может быть представлен... всяким другим лицом“, не исключает понятие о лицах юридических»¹;

«Юридические лица (казенные управления, городские и земские управы, правления акционерных обществ и кредитных учреждений) в лице особого уполномоченного должны только являться в суд. Приносимые же в суд бумаги могут быть подписываемы полным составом учреждения, без участия уполномоченного (1886/98, 1887/38, 1907/74; Определ. Соед. Прис. I и Касс. Д. С. 20 сент. 1907 г. № 439)...»².

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Во второй половине XIX – начале XX в. общественные отношения с участием коллективных субъектов права активно регулировались гражданским материальным и процессуальным законодательством. В уголовно-процессуальном законе данная категория официально была представлена лишь поручителем.

2. Ограниченность содержания уголовно-процессуального понятия «гражданский истец» и отсутствие в УУС специальных норм, раскрывающих правовую природу названного лица, обеспечили формирование у соответствующих субъектов уголовного процесса потребности в применении отдельных положений гражданских (материальных и процессуального) законов при разрешении гражданского иска, заявленного в рамках возбужденного уголовного дела.

3. Разъяснения Правительствующего сената о возможном применении востребованных положений гражданских законов в уголовном процессе привели к использованию в юридической практике по уголовным делам расширительного толкования понятия «лицо» в легальном определении гражданского истца (ст. 6 УУС) и при установлении залогодателя (ст. 423 УУС) как участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, позволило рассматривать в качестве последних наряду с физическими лицами отдельные коллективы, выступающие в роли самостоятельных субъектов права.

4. В исследуемый исторический период российское законодательство, включая УУС, распределяло субъектов правоотношений по двум категориям:

а) естественные (физические) лица;

б) искусственно организованные коллективы, впервые получившие в 1906 г. в гражданском законодательстве официальное общее наименование «юридические лица».

5. В доктрине отечественного законодательства второй половины XIX – начала XX в. имела место актуальная по современным меркам классификация юридических лиц, в соответствии с которой все участвующие в уголовном процессе коллективные субъекты права подразделялись на публичные или частные корпорации и учреждения.

6. Несмотря на нормативно-правовую неопределенность уголовно-процессуального статуса частных или публичных корпораций и учреждений, они при помощи гражданского законодательства (через уполномоченных лиц) вовлекались в уголовное судопроизводство как его участники – поручители, залогодатели, гражданские истцы или иные лица (прообраз гражданских ответчиков).

¹ Кессель К. Указ. соч. С. 397.

² Яблочков Т. М. Указ. соч. С. 375.

7. Юридическое лицо как участник уголовного процесса второй половины XIX – начала XX в. – это частная или публичная коллективная организация, искусственно созданная на основе соответствующих актов (уставов или правил) с разрешения властей, обладающая уголовно-процессуальной правоспособностью и обособленным имуществом для достижения специальной цели, а также исполнения имеющихся обязательств имущественного характера.

Список литературы

Анненков К. Система русского гражданского права: в 6 т. Т. 1: Введение и общая часть. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 591 с.

Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энцикл.; СПб.: Фонд «Ленингр. галерея», 1993. 1632 с.

Воробьев А. В. Возмещение морального (нравственного) вреда в отечественной дореволюционной юридической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 49–53.

Гуляев А. М. Толкование закона в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1912. 71 с.

Гуляев А. М. Общие учения системы гражданского права в практике Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за пятьдесят лет. Пг.: Сенат. тип., 1914. 79 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с.; 1882. Т. 4. 704 с.

Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву: в 2 т. 4-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. Т. 1. 936 с.

Ельяшевич В. Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. СПб.: Типо-лит. Шредера, 1910. VII, 480 с.

Каминка А. И. Основы предпринимательского права. Пг.: Петрогр. т-во печ. и изд. дела «Труд», 1917. VII, 338 с.

Кессель К. Залог и поручительство в предварительном следствии // Судебный журнал: ежемесячное приложение к «Судебному вестнику». 1869. № 10. С. 386–418.

Мейер Д. И. Русское гражданское право. Чтения, изданные по запискам слушателей / под ред. А. И. Вицына. 8-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Д. В. Чичинадзе, 1902. 794 с.

Никонов С. П. Юридическая природа торговых и промышленных предприятий по русскому праву. Пг.: Тип. И. Я. Дурнякина, 1917. II, 94 с.

Свод основных государственных законов (издание 1906 года): в 16 т., в 5 кн. / под ред. и с примеч. И. Д. Мордугсай-Болтовского. СПб.: Русское кн. т-во «Деятель», 1912. Кн. 1. Т. 1–3. XVI, 440, XIII с.

Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под ред. М. Н. Гернета. Изд. М. М. Зива. М.: Тип. «Культура», 1914. Вып. 1. 306 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/522267> (дата обращения: 29.08.2021).

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 4-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. VIII, 793 с.

Цитович П. П. Очерки по теории торгового права. Вып. 1: Из лекций в осеннем полугодии 1900 г. СПб.: Типо-лит. Б. М. Вольфа, 1901. 116 с.

Яблочков Т. М. Практический комментарий на Устав гражданского судопроизводства. Ярославль: Типо-лит. Е. Ф. Вахрамеева, 1913. Т. 1. VIII, 406, XVII с.

References

Annenkov K. (1894) *Sistema russkogo grazhdanskogo prava: in 6 vols. Vol. 1: Vvedenie i obshchaya chast'* [The system of Russian civil law: in 6 vols. Vol. 1: An introduction and general part]. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, VII, 591 p.

Dal' V. (1881) *Tolkovi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: in 4 vols.* [The explanatory dictionary of the great Russian language], 2nd ed. Saint Petersburg, Moscow, Tipografiya M. O. Vol'fa, vol. 2, 807 p., vol. 4, 704 p.

Dyuvernua N. L. (1902) *Chteniya po grazhdanskomu pravu* [Readings in civil law]: in 2 vols., 4th ed. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, vol. 1, 936 p.

El'yashevich V. B. (1910) *Yuridicheskoe litso, ego proiskhozhdenie i funktsii v rimskom chastnom prave* [Legal person, its origins and functions in Roman private law]. Saint Petersburg, tipografija Shredera, VII, 480 p.

Gernet M. N. (Ed.) (1914) *Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva. Sistemicheskii kommentarii* [The Criminal Procedure Charter. Systematic commentary], M. M. Ziva's ed. Moscow, Tipografiya «Kul'tura», iss. 1., 306 p. available at: <https://znanium.com/catalog/product/522267> (accessed: 29.08.2021).

Gulyaev A. M. (1912) *Tolkovanie zakona v praktike Grazhdanskogo Kassatsionnogo Departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata* [Interpretation of the law in the practice of the Civil Cassation Department of the Governing Senate]. Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoi, 71 p.

Gulyaev A. M. (1914) *Obshchie ucheniya sistemy grazhdanskogo prava v praktike Grazhdanskogo Kassatsionnogo Departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata za pyat'desyat let* [The general doctrines of the civil law system in the practice of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for fifty years]. Petrograd, Senatskaya tipografiya, 79 p.

Kaminka A. I. (1917) *Osnovy predprinimatel'skogo prava* [Fundamentals of business law]. Petrograd, Petrogradskoe tovarishchestvo pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud», VII, 338 p.

Kessel' K. (1869) Zalog i poruchitel'stvo v predvaritel'nom sledstvii [Bail and surety in the preliminary investigation]. In *Sudebnyi zhurnal: ezheimesyachnoe prilozhenie k «Sudebnomu vestniku»*, no. 10, pp. 386–418.

Meier D. I. (1902) *Russkoe grazhdanskoe pravo. Chteniya, izdannye po zapiskam slushatelei* [Russian civil law. Readings published according to the notes of students], ed. by A. I. Vitsyn, 8th ed. Saint Petersburg, Tipografiya D. V. Chichinadze, 794 p.

Nikonov S. P. (1917) *Yuridicheskaya priroda torgovykh i promyshlennykh predpriyatii po russkomu pravu* [The legal nature of commercial and industrial enterprises under Russian law]. Petrograd, Tipografiya I. Ya. Durnyakina, II, 94 p.

Prokhorov A. M. (Ed.) (1993) *Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'* [The great encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. Entsikl., Saint Petersburg, Fond «Leningradskaya galereya», 1632 p.

Shershenevich G. F. (1902) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law], 4th ed. Kazan, tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, VIII, 793 p.

Mordugsai-Boltovskii I. D. (Ed.) (1912) *Svod osnovnykh gosudarstvennykh zakonov (izdanie 1906 goda)*: in 16 vols., in 5 books [Code of basic state laws (edition of 1906)]. Saint Petersburg, Russkoe knizhnoe tovarishchestvo «Deyatel'», book 1, vol. 1–3, XVI, 440, XIII c.

Tsitovich P. P. (1901) *Ocherki po teorii torgovogo prava. Iss. 1: Iz lektsii v osennem polugodii 1900 g.* [Essays on the theory of commercial law. Iss. 1: From lectures in the fall semester of 1900]. Saint Petersburg, Tipo-litografiya B. M. Vol'fa, 116 p.

Vorob'ev A. V. (2006) Vozmeshchenie moral'nogo (nравstvennogo) vreda v otechestvennoi dorevol'yutsionnoi yuridicheskoi nauke [Compensation for moral damage in the domestic pre-revolutionary legal science]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 4, pp. 49–53.

Yablochkov T. M. (1913) *Prakticheskii kommentarii na Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Practical commentary on the Civil Procedure Charter]. Yaroslavl, tipo-litografiya E. F. Vakhrameeva, vol. 1, VIII, 406, XVII p.